

1

До самого утра Джо Малони, весь в поту, крутился и вертелся с боку на бок. Ему снился рев моторов и яркие огни. Кричали взрослые, вопили дети, заходились лаем собаки. Грохотал по металлу металл. Джо снилось, будто у Земли откинулась крышка и повисла в небе на гигантских крюках, а под ней заплясали во тьме бесформенные чудовища. Потом Джо утих и лежал недвижно. Тише, сердце, не колотись так. Дыши ровнее. Он чуял запахи опилок, парусины, терпкого звериного пота, навоза. Что-то едва слышно поскрипывало и хлопало. Чьи-то пальцы ощупали его голову, кто-то шепнул его имя. Сейчас он пробудится — и вокруг все будет незнакомое и новое.

— Джо! — крикнула над ухом мама. — Джозеф!

Он открыл глаза. Всё та же знакомая комната, и бледный свет пробивается сквозь тонкие занавески. По стенкам приклеены липкой лентой его старые детские рисунки, на полу кучей — одежды. Джо потянул носом воздух — не пахнет ли снова тигром?

— Джо! — настойчиво позвала мама. — Сынок, а ну вставай-ка!

Джо выкарабкался из смятой постели, подобрал с пола одежду. Натянул тяжеленные ботинки. Снова потянул носом, прислушался, сощурил глаза.

— Джо!

В ванной он плеснул в лицо водой, потом приник к зеркалу, буравя глазами свое отражение. Бледная физиономия, всклокоченные волосы, один глаз зеленый, другой карий... Коснулся пальцем щеки. Он все тот же. Прежний Джо Малони.

— Джозеф!

Спустился по лестнице в кухню. Мама наливала апельсиновый сок. Посмотрела на сына, покачала головой, цокнула языком. Оправила ему рубашку, разгладила на плечах. Завязала ему шнурки на ботинках.

— Джо Малони, ну что это такое? — укоризненно спросила она.

Он неловко усмехнулся.

— Э-э-это я, — заикаясь, отозвался он.

Мама мягко положила руку ему на плечо.

— Как всегда. И тебе всегда, всю жизнь, нужна будет мама — будить по утрам да шнурки завязывать, а?

Он снова усмехнулся.

— Угу.

Намазал маслом ломтик жареного хлеба, сжевал. Мама улыбнулась, растопыренными пальцами причесала ему лохмы — как гребешком. Пригласила ладонью.

— А мне п-п-приснилось... — начал Джо.

— Вот так новость, — отозвалась мама.

— Там п-появился...

Она покачала головой, но подалась вперед, готовая слушать.

— Ну, кто там появился?

Джо потер глаза, захлопал ресницами. Выглянул в окно и ахнул. На краю городка высился над крышами купол голубого шатра.

— Это что?

— Где?

— П-п-посмотри, мам!

Он показал пальцем.

Голубой шатер, бледно-голубой, светлее утреннего неба. Высоченный, огромный купол колыхается на ветру.

— Да что там? — не понимала мама.

— Ну вон же!

Она сощурилась, глядя в даль.

— Шатер, — сказал Джо. — Большой.

— Ох ты, и правда. Откуда ж он взялся?

Они стояли у окна и смотрели вдаль, туда, где над грязной красной черепицей крыш вздымалась голубая гора.

— Ну и дела, — сказала мама. — Небось, цирк или балаган какой. Цирк сюда, в Хельмут,

давненько не заворачивал. — Задумчиво пожала плечами. — Если только до нас бывал, при нас не припомню.

Джо торопливо запихнул в рот остаток гренки. Направился к двери. Мама крепко обняла его.

— Ну, Джо Малони... — начала она привычно.

А он потупился и лишь потом поднял глаза.

— Ты и так знаешь, что скажу, а?

— Угу, мам.

— Смотри мне, чур школу не прогуливать! Уговор?

— Уговор.

Она чмокнула его в щеку.

— Чтобы треклятый школьный инспектор к нам больше не лез, уговор? Оно нам надо?

— Не надо, мам.

— Ну вот и славно. Чудо ты мое чудное. Иной раз гляжу и думаю — кого это я родила на свет? Чудо чудное, горе горькое. Как ты такой уродился, не знаешь?

— Не-а, мам.

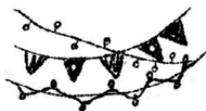
— Не-а... Ну, давай, поцелуй меня и топай.

Она проводила сына до двери, а потом смотрела, как он плетется по садовой дорожке к калитке. Когда Джо обернулся помахать на прощанье, погрозила ему пальцем.

— Уговор? — напомнила еще раз.

— Уговор, — буркнул он и поспешил к Роже.

Джо постоял на месте, потоптался, перебирая тощими ногами. Поплелся дальше, шаркая тяжелыми разношенными ботинками. Снова помедлил, набрал в грудь воздуха, собираясь с силами. Предстояло миновать Рощу. Там, на опушке, уже ошивался кое-кто из шайки Коди. Мак Блай, Джорди Керр, Рыло Мэтьюс, Голди Уиллс. Стояли, дымили, пряча сигареты в кулаке. Джо ссутулился, опустил голову и хотел проскользнуть мимо, но его, как всегда, пихали локтями и подставляли ноги.

— Малони-Одинони, Малони-Придуркони, Малони-не-Нужнони, — наперебой распевали они.

— Смотрите, чудики понаехали, уродцы балаганные, — прошипел Пробка и ткнул пальцем в сторону голубого шатра.

— Ну, Придуркони, праздничек у тебя! Малони-Чудакони, глянь, твоя родня пожаловала!

— Малони-Одинони! Малони-не-Нужнони!

«Джо, ты должен давать им отпор», — учила мама, он помнил. Какой там отпор, он и глаз на них поднять не смел, не то что ответить. Джо втянул голову в плечи, зашагал быстрее.

В щеку угодил чей-то плевок, Джо стер его рукавом. Заторопился вперед, к пустырю, туда, где в вышине голубел купол шатра.

Они всё гоготали наперебой, всё галдели вслед, только уже не про него, а про шатер, про цирк.

— Убирайтесь вон, отбросы! Вон, цыганье поганое! Сворачивайтесь и валите отсюда со своими палатками! Га-га-га! Гы-гы-гы!

На пустырь подтягивались другие ребята, помладше, кто поодиночке, кто компаниями. Ходили вокруг шатра, разглядывали его.

На шатре висела огромная афиша.

Цирк Хакеншмидта!
Прощальная гастроль!
Последняя гастроль!
Ваш последний шанс!
Больше нас не увидите!

За голубым шатром пестрели ветхие автомобили, грузовики и фургоны.

Кто-то окликнул Джо по имени. Он обернулся. Его нагнал Стенни Кротс.

— Я еще ночью слышал, как они прикатили, — сообщил он Джо. — Грохоту было! Я думал, война началась или еще чего.

Джо молча кивнул.

— А это никакая не война, просто дурацкий облезлый цирк. Пошли, закосим уроки.

Джо вспомнил мамины слова и замотал головой.

— Не, — отозвался он. — Сегодня никак.

Но с места не двинулся. Все смотрел на голубой шатер и на пустырь и знал: школу он сегодня опять прогуляет. В который раз.

Из шатра вышел бледный долговязый человек с козлиной бородкой. Вокруг него скакала на задних лапках целая стая собачек в серебристых юбочках. Долговязый обошел всех, раздавая афишки — билеты на сегодняшнее представление за полцены.

— Ты только глянь на него, — воскликнул Стенни. — Сам в лохмотьях, цирк у них развалюха. Ну, чего, потопали?

Бородач приблизился к мальчикам. Подмигнул и шутливо ткнул Джо в бок.

— Привет, дружок, — сказал он.

Скроил печальное лицо — рот пополз вниз, потом рот пополз вверх — ухмылка до ушей.

— Ну, привет, — повторил циркач. Потянулся снова ткнуть Джо под ребра, но Стенни дернул приятеля назад.

— Отвалите от него, — буркнул Стенни. — Пошли, Джо, хватит в облаках витать.

Потащил Джо за собой, но тот застыл.

В проеме голубого шатра возникла девчонка. Не старше мальчиков, маленькая, волосы темные. Заношенный черный дождевик туго стянут

на талии, и колготки тоже черные, только туфельки сверкают серебром. Она отвела полог шатра. Там, внутри, клубилась сумрачная синева.

Девчонкины глаза натолкнулись на Джо. Она улыбнулась ему и шире распахнула полог.

Стенни в сердцах плюнул на землю.

— Да пошли же! — поторопил он приятеля. — Надо свинтить, пока нас не засекали.

— А... ну да, ну да, — рассеянно ответил Джо.

— Куда ты устался?

— Так... никуда.

Джо глаз не мог оторвать от девчонки. Где-то он раньше ее видел. Совершенно точно — видел.

Стенни дернул его за рукав.

— Подумаешь, цыганка-оборванка, велика важность, — сказал он.

Джо не двигался с места.

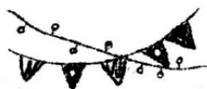
— П-п-погоди малость, — выдавил он.

Стенни потянул его за собой сильнее.

— Ну, пошли, Джо. Шагай, старина, шевелись.

Джо с трудом оторвал глаза от циркачки и поплелся за Стенни по склону холма — через пустырь, все дальше и дальше, прочь от городка.

Хельмут только назывался городком, а на самом деле был городской окраиной, и сразу за ним начинались пустоши и леса. Хельмут — мешанина новых и старых домов, путаница улиц, трещины в асфальте. Пивная «Оленья голова» — стены размазаны граффити. Магазины дешевых товаров «Все по десятке», кафе-закусочная, парикмахерская, букмекерская контора — делать ставки на спортсменов... Еще одна пивная, «До краев», где работала мама Джо. В городке все поговаривали, что вот будут большие перемены, вот выстроят нам бассейн, развлекательный центр, супермаркет, вырастут новые дома. Но о Хельмуте как будто позабыли, и он застрял в прошлом, никому не нужный. Раз появились землемеры: расхаживали, глядя в свои теодолиты, ставили столбики, натягивали между ними ленту, что-то размечали. В другой раз прикатили бульдозеры, выворотили землю, нагромодили ее кучами. А потом все они исчезли. Ничего так и не случилось. В Хельмуте все всегда кончалось пшиком.

Джо и Стенни шагали прочь от окраины, а из-под ног у них то и дело взвивались жаворонки. Они вспархивали из травы и терялись высоко в небесах. И оттуда, с высоты, невидимками — снизу не углядишь — распевали и распевали свои звонкие песни. Джо задрал голову, посмотрел в небо,

послушал, как они поют, послушал, как запело его сердце.

— Слышь... — шепнул он.

— Джо! — позвал его Стенни Кротс.

— Т-т-ты только послушай, Стенни, как заливаются.

Джо приложил палец к губам. Стенни сплюнул.

— На выходные мы намылились в поход. Мы с Джоффом. Хочешь, айда с нами, Джо. Эй, Джо!

Но Джо был весь там, высоко, в небе.

— Джо! — позвал Стенни. — Эх, и чего я только с тобой вожусь, Джо!

Он потянул приятеля за рукав — вырвал из мечтаний, потащил дальше.

Окрестности тут носили всем знакомые прозвания — дети передавали их друг другу из поколения в поколение. Прозвания эти проросли из старых историй, опасных игр, жутких открытий. Тут было Костяное поле, Крысиные поляны, железнодорожная ветка «Чик-и-нет-ноги», Кровавый пруд, Гадючья тропинка.

— Стартуем завтра в пять утра, — продолжал Стенни. — Давай с нами, Джо. Будет круто.

Он указал рукой вдаль. Джо посмотрел: там, в миле отсюда, громыало шоссе, таяло в солнечном свете и бензиновом мареве. А за шоссе снова поднимались холмы — к Серебряному лесу, Золотым холмам, Черному хребту, поднимались до самого неба.

— Пеший поход, весь день будем идти, — объяснил Стенни. — Далеко заберемся, подальше отсюда, в настоящую глушь, в дикую-предикую чашу. И оружие прихватим. Возьмем ножи, рогатки, капканы. На обед поймаем какую-нибудь живность. А шалаш из веток сплетем, дерево об-

дерем. Костер запалим! Джофф выпьет, пойдет байки травить про армию, хоть всю ночь слушай. Ты в таких местах и не бывал никогда, Джо.

— Чего-чего? — рассеянно переспросил тот.

— Говорю, так далеко не бывал, а?

— Не-а.

И верно. Он никогда не забирался так далеко. Правда, Джо частенько забредал до самого шоссе и, стоя на обочине, подолгу смотрел вдаль — туда, где за грохотом и машинами начинались манящие неведомые края. Туда он часто уходил во сне. Порой ему снилось, что он бродит по Серебряному лесу со Стенни. А иной раз — что с мамой. Но все чаще во сне Джо блуждал там с какой-то незнакомой девчонкой. Лица ее было не разглядеть, но шагала она проворно, не отставала.

— Ты и с ночевкой из дома не уезжал небось, а? — спросил Стенни.

Джо покачал головой. Ни разу в жизни.

— Ну так вот — пора бы уже. Тебе надо подрасти, Джо, стать покрепче, покруче. Давно пора. — Стенни сплюнул, ругнулся.

Джо все всматривался в далекие леса, где теснились деревья, разглядывал тропинки, которые тянулись к вершинам холмов — отсюда тропинки были не толще карандашной линии, — глядел на черные скалы в сиреновом вереске и серебряные ленточки ручьев. Потом запрокинул голову, сощурился в небо. Да, они мелькали там, в вышине, он различал их с самого детства и отлично узнавал — всякие существа кружили в небесной пустоте над Черным хребтом. Джо повернулся к другу, понял: тот ничего такого не видит. Пнул носком ботинка землю. Заговорил было — слова не шли с языка.

— П-п-почему т-ты хочешь в п-п-поход с Джоффом?

— А вот увидишь его — поймешь.

— М-м-мы вроде когда-то сговаривались п-п-пойти вдвоем. Т-т-ты и я, никого больше, нет разве?

— Ну, это когда было, сто лет назад. Мы были совсем малявками. Ничего в походах не смыслили. — Стенни насупился. — И кое-кто с тех пор вырос, Джо.

Стенни подобрал с земли два булыжника, каждый с кулак. Ухватил как гантели и поднял над головой. Опустил руки. Поднял-опустил. Потом пихнул камни Джо.

— Ну-ка, делай как я. Тебе надо мышцу качать. Камни вывалились из рук у Джо на землю.

— Ну что это такое, что ты за размазня? — спросил Стенни.

Отвернулся. Сплюнул.

— Айда с нами, говорю. Джофф сделает из тебя настоящего мужика.

Джо вновь уставился в небо. Хоть он и не знал, как зовутся небесные летуны, но видел их яснее некуда. Ему известно было, кто населяет ночной мрак в его снах, кто бродит по лесам. Джо зашагал за приятелем. От одной мысли о походе с Джоффом его бросило в дрожь.

Джофф. Белки глаз в красных прожилках, а на шее, прямо на горле, вытатуирована змеиная шкура. Поблескивают во рту два золотых зуба, голова бритая, мускулы бугрятся. Джо как-то раз видел, у Стенни дома: Джофф проткнул себе предплечье булавкой и защелкнул ее. И ухмыльнулся. Потом взял еще булавку, воткнул в другое плечо и опять ухмыльнулся. Стенни говорил, брат не только такое умеет, а еще всякие другие штуки, ему боль нипочем. Он умеет набрать в рот парафина и выдохнуть огонь. Умеет нырнуть и не дышать под водой — долго, долго, поневоле подумаешь: потонул. Джофф крепкий мужик. Он знает, как выжить в чаще. Если Джо пойдет с ним в поход и поближе пообщается, то научится всем этим штукам.

Однажды Джо вернулся домой из школы, и глядь — Джофф на пороге кухни. Тот стоял, привалившись к дверному косяку. Завидев Джо, проворно обернулся, подхватил на руки.

— Здорово, сынок, — сказал Джофф, и мальчик почувал, как от него веет жаром и куревом. — Ничего денек в школе был, а?

Джофф спустил его наземь. Джо опрометью кинулся к маме — та стояла у кухонного стола. Она обняла сына за плечи.

Джофф поглядел на них и ухмыльнулся, сверкнув золотом зубов.